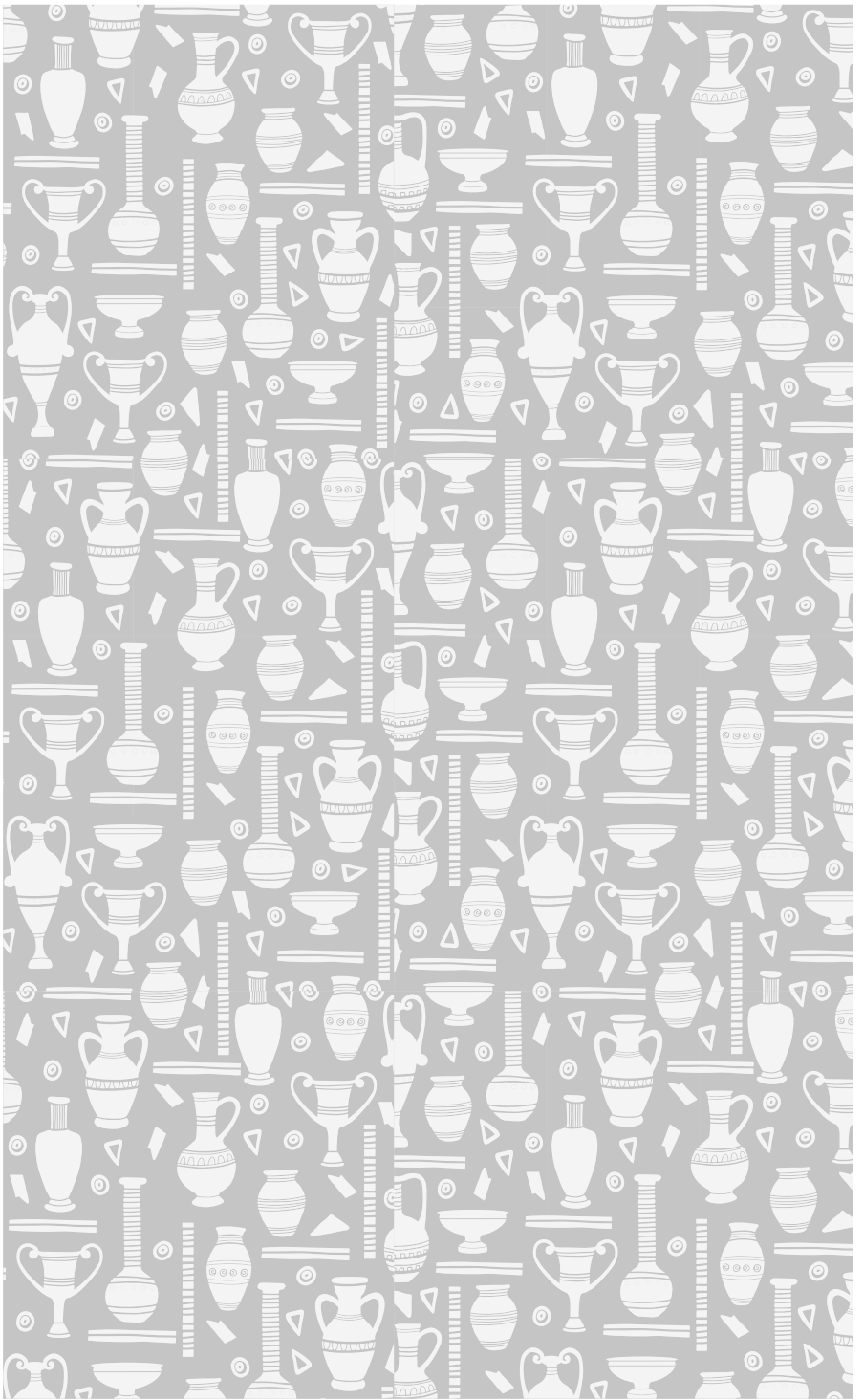

ГЛАВА 9

ГОРНИЛО

Алексис

Вытирая слюну, я случайно встретилась взглядом с другим дебютантом. Я бежала (падала вперед, каким-то образом сохраняя вертикальное положение) за группой, спускающейся с горы.

Мальчик шаркал в мою сторону, вьющиеся золотистые волосы прилипли к бледной коже от пота.

— У нас получится, — сказал он, протягивая мне руку. Кровь покрыла пальцы, которые он порезал во время падения.

Я споткнулась и отшатнулась, спасаясь от удара.

Ладони проскользили по острым камням, я едва удержалась на негнущихся ногах и, пошатываясь, продолжила бежать.

Возникла неловкая пауза, потому что он *все еще* протягивал руку для рукопожатия.

Я не приняла ее.

Он странно посмотрел на меня.

Смутившись, я побежала быстрее (то есть не как больная улитка, а как здоровая).

К несчастью, он держался немного позади меня по левую сторону, в слепой зоне.

Беспокойство мурашками бежало по позвоночнику.

Паника пульсировала в груди.

— Я Крестос Зевс, — сказал он. — Приятно познакомиться. Я хмыкнула и отвела взгляд, намекая, что не желаю продолжать разговор.

— Алексис, верно? Я слышал о тебе. Я тоже мут. — Он продолжал держаться рядом и указал на свои пружинистые кудри: — Все считают, что ты тоже из Дома Зевса, так что получается, мы с тобой сводные брат и сестра.

Он усмехнулся, хотя в его словах не было ничего смешного.

В наши дни не осталось места для смеха. Людям пора научиться принимать энергию темных времен.

Чарли был на другом конце света и, вероятно, сильно волновался.

— У меня уже есть брат, — прошептала я.

— Ну, в любом случае, я уверен, что мы станем хорошими друзьями. — Крестос похлопал меня по спине. Я попыталась увернуться, отпрыгнула в сторону, но споткнулась и рухнула на камни.

Он засмеялся.

А я нет.

— Веселый идиот, — прошипела Никс.

Я бы сказала что-то в знак согласия, но была слишком занята, пытаясь *не умереть*.

Время тянулось бесконечно, солнце медленно ползло по небу, в голове звучала безумная мелодия, и я поняла одну очень важную вещь: бежать вниз по склону *не* легче, чем вверх.

В нашем жестоком мире не осталось справедливости.

Несколько часов спустя икры сводило судорогой, воздуха не хватало, и я рухнула на четвереньки у подножия горы, где отдыхала группа.

Крестос упал на колени рядом со мной.

— М-да, хреново. — Он закашлялся.

Я отодвинулась от него. Мой список друзей был полон. Да, Никс заняла все место. У нее была большая (сумасшедшая) личность.

Титус сказал что-то уничижительное о том, что женщины должны лежать на спине.

— Встать! — слишком быстро приказал Ворекс, и я присоединилась к хору стонов.

Он указал жестом на темно-синюю воду позади нас.

— Это река Стикс. Все видят лодку со стоящим на ней человеком?

В узкой вытянутой лодке стоял высокий широкоплечий мужчина с длинным шестом в руках. Черный плащ, означавший, что в нем течет кровь существа, укутывал его с головы до ног и делал его больше похожим на тень, чем на человека.

— Это Харон, наследник Дома Артемиды и самый смертоносный убийца-Хтоник на земле, — мрачно сказал Ворекс. — Если вы остановитесь... если он поймает вас... вы *умрете*. То, что он согласился на роль лодочника в этом году, *уменьшает* ваши шансы на выживание.

Лодка Харона развернулась и поплыла в нашу сторону.

Раздалось жуткое рычание, и все настороженно оглянулись. *Откуда этот звук?*

Ворекс нахмурился.

— Харона не зря называют Охотником. Не стоит попадаться ему на глаза. В нем больше от существа, чем от человека.

Один из дебютантов задрожал от страха (это была я).

Но, видимо, мы выглядели недостаточно испуганными, потому что Ворекс продолжил:

— Он единственный Спартанец, у которого нет животного-покровителя. Хотите знать, почему? Потому что все чудовища *боятся* его. Он один из них... только хуже.

Харон посмотрел на нас через реку Стикс и улыбнулся.

Он что, смотрит на меня?

Я незаметно отодвинулась в сторону, чтобы спрятаться за Крестосом.

Ворекс скривился.

— По слухам, на озере Комо у него вила с темницей, где он пытается всех, кто его злит.

Харон все еще смотрит на меня.

Я покраснела и пригнулась ниже.

Пожалуйста, не забирай меня в свою темницу.

— Ладно. — Ворекс пожал плечами. Его хорек переполз к нему на плечо и встал во весь рост. — Все в воду и плывите в академию.

Он указал на другой берег беспокойной реки, где едва угадывались вырезанные в скале стены.

Плыть было *далеко*.

Никс сползла по моему боку на землю.

— Я поплыву рядом с тобой, дитя.

Я с облегчением вздохнула, освободившись от ее давящего веса, и села, но насладиться моментом не успела.

Кристос снова протянул мне свою окровавленную от порезов ладонь.

Вздохнув, я приняла ее.

Царапины на моей руке вспыхнули болью, снова начиная кровоточить.

— Чего ждете? Пошли-пошли-пошли! — крикнул Ворекс. — Гребите изо всех сил.

Мы вдсятером бросились в реку. Ледяная вода потрясла мой измученный организм. Ощущения были сродни падению лицом на бетон.

Острая боль пронзила грудь.

Я гребла изо всех сил руками и ногами, пытаюсь отплыть подальше от тел, метавших брызги во все стороны.

Просто безумие.

Руки ударились локтями. Кожа шлепала о кожу. Брызги летели в стороны. Руки бились о ноги.

Боль в груди усилилась.

Наконец я смогла оторваться от остальных и мысленно поблагодарила себя за долгие летние дни, которые проводила, купаясь в озере за трейлерным парком после того, как приемные родители исчезли из моей жизни.

Чем дольше я плыла, тем сильнее угасала моя благодарность.

Паника в сердце превратилась в ослепляющую боль. Мы плыли *против* течения. С берега река казалась спокойной и неторопливой. Ключевое слово «казалась».

С каждым новым взмахом я поворачивала голову в сторону и хрипло вдыхала, пытаюсь наполнить легкие воздухом, и все равно задыхалась.

Я боролась с водой.

На очередном вдохе я неудачно повернула голову, и вода залилась в нос. Я закашлялась и перевернулась на спину. Пазухи горели, я не могла отдышаться.

Громкий плеск привлек мое внимание — я приподняла голову и заозиралась.

Христос барахтался в воде неподалеку от меня и жалобно стонал.

— Помогите! — кричал он, на губах белела пена. Он молотил руками по воде, словно в агонии.

Кто-то делает ему больно, но кто?

Он погрузился в воду с головой. В глазах плескалось отчаяние.

Я попыталась дотянуться и помочь ему.

Он дернулся в сторону и закричал громче, борясь с невидимым чудовищем.

Темная лодка показалась над водой. Мои глаза расширились от ужаса.

Я поняла *кто*.

— Плыви! — отчаянно закричала я Христу, пытаюсь удержать его над поверхностью воды.

Он утянул нас обоих под воду. Когда мы всплыли на поверхность, он закричал еще громче и принялся отталкивать меня, заливая лицо брызгами.

— П-плыви, — заикалась я.

Он пнул меня.

Потрепанный черный плащ угрожающе развевался на ветру. Харон склонился к воде.

Паника раскалила мою грудь добела.

Я поплыла прочь от Христа, отчаянно пытаюсь увеличить дистанцию между нами.

Харон смотрел на меня сверху вниз, склонив голову на бок, словно наблюдал за чем-то уникальным.

Я оглянулась, но остальные дебютанты плыли в нескольких метрах от меня.

Харон смотрел на меня светло-голубыми, словно лед, глазами.

Пристально.

Сосредоточенно.

Как будто охотился на меня.

Сердечный приступ рвал мне грудь, мир подернулся пеленой.

У меня не получалось вдохнуть.

Вода поглотила меня. Когда я всплыла на поверхность, глаза Харона налились кровью, а его длинный бледный палец коснулся лба Крестоса.

Дебютант издал жуткий вопль, словно его разрывало от одного прикосновения, и беспомощно забился в воде. Десятки испуганных птиц взлетели с деревьев на берегу.

Харон улыбнулся, убрал руку и встал в лодке.

Он бесстрастно смотрел на тонущего парня.

Крестос выл, словно невидимые силы разрывали его на куски. Кровь заливала его кожу.

Пена стекала с его губ, словно его поразило бешенство.

Его крики становились все отчаяннее.

Безнадежнее.

Грудь скрутило агонией.

Крестос исчез под водой и больше не появлялся.

Мне хотелось плакать.

«Мы станем хорошими друзьями». Почему я не захотела поговорить с ним?

Харон Артемиду медленно поднял голову, скрытую капюшоном, и посмотрел на меня пронзительными кровавыми глазами Хтоники.

Сын Артемиды и Эребуса был воплощением зла.

Губы Харона растянулись в свирепой ухмылке, а нос его лодки развернулся в мою сторону. По бортам заплескалась вода.

Его улыбка напоминала оскал хищника, наступающего свою жертву. *Он плывет ко мне.*

Я в ужасе смотрела на него.

— Плыви, Алексис, — прошипела Никс где-то неподалеку. — Как можно быстрее, прямо сейчас!

Мне не нужно было повторять дважды.

Я принялась грести изо всех сил. Руки шлепали по воде, я старалась не выныривать лишний раз, задерживая дыхание на несколько минут.

Я плыла, словно за мной гнался дьявол.

Он и гнался.

Мир расплывался перед глазами, словно в тумане.

Наконец я выползла на берег реки, с трудом перебирая ногами. Колени увязали в теплой грязи. Ворекс указал на грудь термоодеял, и дебютанты бросились за ними, но на всех нас не хватило, а я двигалась слишком медленно.

Ледяные чешуйки скользнули по моему торсу, и Никс обвилась вокруг моей шеи.

Онемев от холода и пошатываясь, я встала на ноги и поплелась за остальными. Вода текла с меня ручьем, тело дрожало, и было больно наступать на ногу.

Мы выстроились перед входом в академию.

Генерал Клеандр разъяренно оглядел нас.

— Если я узнаю, что кто-то из вас осмелился устранять слабых одноклассников...

О чем он говорит? Это был Харон. Я видела. Он наверняка использовал свои силы, чтобы навредить Кростосу.

Генерал прищурился.

— Тогда я буду недоволен. Вам следует сосредоточиться на своей собственной чертовой шкуре. Отсеивать слабых — моя работа... Или вы думаете, что я не справлюсь?

— *Нет, генерал!* — ответили мы хриплыми, надтреснутыми голосами. Кто-то закашлялся водой (я).

Из десяти дебютантов осталось девять всего за один день.

Внутри меня все помертвело от ужаса.

Как мне здесь выжить?

Врач говорила, что у Дома Зевса уже давно не рождалось сильных потомков и всем им приходилось расплачиваться за это. Теперь ее слова казались до тошноты пророческими.

Еще один умер.

Неужели я следующая?

— Я хотел устроить вам передышку, но теперь, — генерал жестоко ухмыльнулся, — вы пойдете на Утраченную классическую историю с профессором Августом.

Заходящее солнце отбрасывало длинные зловещие тени.

— ШЕВЕЛИТЕ ЗАДНИЦАМИ, ДЕБЮТАНТЫ! — прорычал генерал. — КАКОГО ХРЕНА ВЫ, ЛЕНИВЫЕ УБЛЮДКИ, ЖДЕТЕ?! ПОШЛИ, МАТЬ ВАШУ!

И, конечно, мы подчинились.

Снова под землю, к капающему воску, скульптурам в натуральную величину, мимо длинного багрового бассейна, под меланхоличную, навевающую тоску музыку.

В лютый холод.

Я поскользнулась и поморщилась от боли. Разбитые ступни проскользили по горной породе, и я села на каменный пол (рухнула и каким-то образом приземлилась на задницу).

Сеть порезов покрывала руки. С меня капали кровь, речная вода и отчаяние.

Все громко и хрипло дышали, кто-то кашлял каждую секунду.

В комнате царило *отчаяние*.

Распахнулась дверь.

Вошел мужчина.

В отличие от Пайна, от него веяло безжалостностью.

При его появлении все в комнате сразу же выпрямились, даже генерал Клеандр.

Это был он.

Печально известный убийца, по слухам, обладающий темными силами.

Тот самый наследник Дома Ареса.

Август.

Сын Ареса и Афродиты больше походил на свирепого воина, чем на профессора.

Воплощение зла.

Выпуклый шрам горизонтальной линией пересекал скулу и частично нос, такой же красный, как и рубины в шипастой короне.

Я потеряла запястья, скрытые резинками. От страха стало трудно дышать.

Он зашел в класс и встал, возвышаясь над нами: ростом почти с Ахиллеса, с идеальной осанкой, мощными, напряженными мышцами и ладонями с обеденную тарелку, сжатыми в кулаки.

От него исходила властная (жуткая) аура.

Внезапно слова о греховной красоте, безумной силе и божественной ярости обрели смысл.

Они идеально его описывали.

Казалось, что Август целиком состоял из острых углов.

Суровую квадратную челюсть покрывала темная щетина. Острые скулы сияли загорелой кожей. Во впадинах щек залегли тени. В черных глазах тлея ярость, а губы злобно кривились.

Двухцветные волосы, разделенные строгим пробором — наполовину черные, наполовину белые — были собраны в длинный шелковистый хвост.

При взгляде на него сразу становилось ясно его происхождение.

Он был смертельно опасен.

Не хотела бы я встретиться с ним в темном переулке, да и в хорошо освещенном тоже. Я бы вообще предпочла никогда не оставаться с ним наедине.

Август медленно шагал перед доской, отчего волосы на руках и ногах у меня встали дыбом.

— Тебе *и правда* стоит обзавестись спартанским оружием, — шипела мне на ухо Никс.

Я кивнула в знак согласия.

Два голоса зашептались рядом со мной, и я посмотрела налево. Там ничего не было.

Ты сходишь с ума.

Я глубоко вздохнула и сосредоточилась на монстре, стоящем передо мной.

Даже воздух вокруг него был наэлектризован. Темная сила гудела под его кожей, и мне казалось, что я чувствовала ее привкус на губах. Сидя посреди горы, мы каким-то образом оказались в центре грозы.

Август *был* грозой.

Маленькое серое существо с темными полосками пронеслось от двери и взобралось Августу на плечо. Крохотные лапки обхватили толстую шею профессора. У него были такие же полуночно-черные глаза, как и у Августа.

А еще он был пушистым.

Я уставилась на *енота*, которого Август, по сути, катал на спине.

Никогда еще в своей жизни я не встречала настолько милого Хтонического покровителя.

— Я могла бы съесть его в три укуса, — зашипела Никс, и я незаметно отвесила ей пощечину.

— Ты портишь мне жизнь, — пробормотала она и тут же уснула, громко захрапев.

Я завидовала ее образу жизни.

Август смотрел на нас сверху вниз, а очаровательный енот играл с его длинными волосами.

— Зовите меня «профессор Август», — шелковистый баритон пробрал меня до костей. — А это мой покровитель, Поко.

Он повернулся, чтобы продемонстрировать существо, которое мне хотелось похитить и расцеловать.

— Он может показаться безобидным, — предупредил Август, — но это дикое существо. Не трогайте его, если не хотите столкнуться с последствиями. Я вас предупредил.

Енот Поко посмотрел на нас с высоты плеча Хтоники, намотав на лапу черно-белый хвост, и сверкнул рядом острых как бритва зубов. Таким бы и акула позавидовала.

Блеснув черными глазами, он запрокинул голову и пронзительно застрекотал.

Держаться подальше от бешеного енота.

Принято.

— Как большинство из вас уже знает, — продолжал Август, — честь для меня не пустой звук. Я не буду пытаться вас просто так. Все, что мы будем делать на занятиях, имеет определенную цель.

Дебютанты расслабились, некоторые с облегчением улыбнулись профессору, и он кивнул им в ответ.

Патро говорил, что он воспитан; возможно, все будет не так уж плохо.

— Смотрю, в этом году у нас в классе есть... девушка, — Август посмотрел на меня сверху вниз. — Это прискорбно.

Парни за спиной захихикали.

Профессор пристально смотрел мне в глаза.

— Что думаешь об участии женщин в Горниле?

Он ждал ответа.

— Это... нормально? — Я пожала плечами, не понимая, что он хотел услышать. *Честно говоря, я не совсем понимала, как вообще ко всему относиться.*

Доброжелательность Августа сменилась гримасой лютой ненависти.

— Значит, ублюдок и правда заделал себе дочь. Лицемерную, как и он сам. Ты правда считаешь, что другие женщины должны пройти через Горнило?

О нет.

Я определенно дала неправильный ответ.

Я попыталась исправить, но во рту пересохло, и у меня заплетался язык.

— О, э-это... — с трудом выговорила я. — Я х-хотела с-сказать...

— Оставь свои оправдания, — перебил меня Август, подняв руку. — Будущим поколениям придется страдать из-за твоей выходки. Ты подумала об этом? Или ты просто эгоистка?

Бездушные черные глаза буравили меня насквозь.

Да я понятия не имею, о чем ты говоришь. Тебе это в голову не приходило?

Запястья пульсировали фантомной болью, я нервно потерла их и посмотрела в пол.

От его яростного взгляда по коже побежали мурашки. Я боялась вдохнуть.

Наконец, казалось, *вечность* спустя он отвернулся, драматично взмахнув полами длинной тоги.

Август взял мел и по-латински написал на доске: «История Минотавра».

— Откройте вторую страницу учебника, — сказал он на латинском. — История начинается с...

Медленно капал воск.

Пум. Пум. Пум.

Глаза закрывались от усталости. Чтобы сохранить крохи тепла, я прижимала дрожащие ноги к груди и слушала гнусную историю о диком минотавре и Кроносе.

Мозг кипел, отказываясь собирать предложения из произносимых в случайном порядке латинских слов.

Не зря этот язык считается мертвым. Кто-то должен убить его снова. А того, кто его придумал, нужно двадцать три раза ударить ножом в спину.

Время шло.

Я усилием воли сосредоточилась на словах.

В середине лекции Август резко сказал по-английски:

— Алексис, — смена языка была неожиданной. — Для чего древние Спартанцы из Дома Посейдона в основном использовали минотавров?

Поко зашипел у него на плече.

Я открыла глаза.

— Для развлечений.

Август издал нечленораздельный звук.

— *Какие* развлечения ты имеешь в виду? — Он смотрел на меня с презрением.

Само воплощение злости.

Почему меня все ненавидят? Я просто пытаюсь прожить хорошую (короткую) жизнь.

Сидящий за столом генерал Клеандр наклонился вперед и достал свой черный пейджер. На его плечах медленно разминал крылья ястреб.

— Или, — насмехался Август, — как и твой отец, ты думаешь, что все знаешь? То есть ты не потрудились изучить истинные тонкости латинского языка и сидишь здесь последние два часа, не понимая ни слова, но думаешь, что ты лучше всех, и просто ждешь...

Я покачала головой и выпалила:

— Они забавы ради охотились на минотавров в лабиринте Микен на острове Крит.

Боясь, что он снова начнет меня критиковать, я онемевшими губами пересказала его лекцию:

— Но минотавры оказались разумными существами. Они общались друг с другом и загнали Спартанцев в ловушку. Из жертв они превратились в охотников, разорвали Спартанцев на куски и заблокировали выход из лабиринта. Каждый раз, когда Спартанцы исцелялись, минотавры тут же разрывали их на части.

— *Никогда* больше меня не перебивай. То, что ты из Дома Зевса, не делает тебя лучше других, — сурово сказал Август. Поко игрался с его черно-белым хвостом.

Послышались тихие смешки.

Он перешел на латынь и спросил:

— Как долго Спартанцы находились в ловушке?

Я откашлялась (сплюнула кусок легкого).

— Они находятся там по сей день. Дом Аида пресек любые попытки их спасти.

— Почему? — потребовал Август.

Я пожала плечами.

— Потому что они Хтоники и н-ненавидят Дом Посейдона?

Потому что они зло.

Никто не посмеялся над моим заиканием. В этот раз одноклассники кивнули в знак согласия, а некоторые даже похлопали.

— Злобные Хтонические ублюдки, — пробормотал кто-то, а затем испуганно замолк под суровым взглядом Августа.

Профессор снова повернулся ко мне. Из-за сдвинутых бровей на лбу появилась глубокая складка.

— Технически твои ответы на вопросы по лекции правильные, но твоя оценка меня... *разочаровала.*

По комнате прокатился облегченный вздох: нам не придется снова бежать по маршруту. Я виновато посмотрела на Дрекса, который сидел рядом со мной, но он уставился в свой учебник и всех игнорировал.

Технически он — Хтоник, но он тебя спас.

Мне стало стыдно. Мерзко. Август тоже был Хтоником, а я только что оскорбила его.

Предсмертные крики Крестоса, улыбка Харона. Багровый дуэт, пытающий Титана.

Онемение расплзлось по всему телу.

Отец Джон говорил, что зло — это отсутствие Бога и что он видел дьявола в кровавых глазах Хтоников.

Я тоже видела.

Я вздохнула с облегчением, когда Август сменил тему и принялся разглагольствовать на латыни о том, что сирены — это продвинутые разумные существа и относятся к тому же классу, что и минотавры.

Он больше никого не проверял и улыбался другим дебютантам, когда они задавали вопросы.

Мне он не улыбнулся.

Ни разу.

Через неопределенное количество времени, показавшееся мне *вечностью*, Утраченная классическая история закончилась, и генерал Клеандр объявил, что у нас есть трехчасовой перерыв на самостоятельное обучение перед Фагорой с Пайном.

— Очень надеюсь, что все проведут это время в библиотеке, иначе будут... последствия.

Интуиция подсказывала мне, что он *не* блефовал.

Но я так устала и замерзла, что едва могла стоять прямо.

В библиотеке я свернулась калачиком (ухнула лицом вперед) на бордовом бархатном диване перед пылающим камином, который был спрятан в глубине комнаты за стеллажами. Здесь было тише.

Рядом симпатичная муза с длинными розовыми волосами складывала книги на полку. Она хмуро посмотрела на меня, но отвернулась, едва мы встретились взглядами.

Большинство других дебютантов сжалось перед каминами, но два мальчика сидели за длинными письменными столами из красного дерева и учились. Судя по всему, они были образцами дисциплины и обладали достаточной физической и умственной выносливостью, чтобы заниматься.

Мне их не понять.

У меня не хватало сил даже на то, чтобы умереть (надеюсь, шанс еще подвернется).

Я засыпала, и никто не мог мне помешать.

Никс удовлетворенно забормотала у меня на шее, и я прижала ее плотнее к себе, как одеяло.

Меня охватило чувство дежавю. Все изменилось, но осталось *прежним*. Я все еще была измученной, никому не нужной девочкой, покрытой синяками, дрожащей от холода в картонной коробке.

— Это место — отстой, — прошептала я. — Я хочу домой.

— Дом — это не место, — мягко сказала Никс. — Это человек.

Я закрыла глаза.

— Бесмыслица какая-то.

— Когда-нибудь ты поймешь.

Меня поглотила тьма.

